

«ДА, ПОХОРОНИЛИ ВМЕСТЕ, ПО ОБЫЧАЮ СОВЕТСКОГО СОЮЗА»: ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ РУССКИХ ТРЁХРЕЧЬЯ В СЕМЕЙНЫХ ФОТОГРАФИЯХ

ЧЖАН ЖУЯН

(Амурский государственный университет: Российская Федерация, 675027,
г. Благовещенск, Игнатьевское ш., д. 21)

Аннотация. Погребальная обрядность относится к одному из самых консервативных ритуальных комплексов, является этнодифференцирующим культурным признаком. В культуре русского населения Трёхречья эта часть обрядов перехода органично сочетает русский и китайский компонент «материнской» и «отцовской» традиции детей, рожденных и выросших в межэтнических браках. В статье представлены результаты реконструкции погребальной обрядности русских Трёхречья на материале визуально-вербального дискурса похоронных фотографий семьи Ивана Дементьева и Анны Первоухиной. Похоронные фотографии русских Трёхречья первой половины XX в. в них нашли отражение основные этапы погребального обряда: прощание с покойником, погребение, установка памятника. Рассмотрение фотографий похорон отца и матери Ивана Дементьева и сопровождающие этот процесс нарративы свидетельствуют о синкретизации русской и китайской религиозной традиции в похоронном обряде русского Трёхречья. Анализ осуществлялся на основе метода включенного наблюдения, текстологической реконструкции, интерпретации.

Ключевые слова: Трёхречье, русская народность, погребальная обрядность, фотографический канон, синкретизация религиозных традиций.

Дата поступления статьи: 6 мая 2019 г.

Дата публикации: 25 декабря 2019 г.

Для цитирования: Чжан Жуян. «Да, похоронили вместе, по обычаю Советского Союза»: погребальные традиции русских Трёхречья в семейных фотографиях // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 4. С. 88–96.

DOI: 10.26158/TK.2019.20.4.007

Погребальная обрядность, как известно, относится к наиболее консервативным составляющим этнической культуры и этнодифференцирующим признакам. В традиционных культурах действует жесткая регламентация всего, что связано со смертью, направленная на защиту от неуправляемых сил природы, которые в смерти проявляются наиболее явно [Аресь 1992, 497].

Культура русской народности Трёхречья (三河流域的俄罗斯族文化, sanhe liuyu de eluosizu wenhua) исторически складывалась в тесном переплетении русской, «материнской», традиции и китайской, «отцовской» — именно в результате русско-китайских браков и возникла эта «нация» полукровцев (одно из самоназваний). Дискуссионным для русских

и китайских исследователей является вопрос о преобладании русского или китайского компонента в наиболее важной части, составляющей культуру этноса, — религиозной. Тан Гэ, Лян Чжэ считают, что китайская культурная традиция берет верх над русскими обычаями [Тан Гэ 2010, 156; Лян Чжэ 2016, 124]. А. П. Забияко подчеркивает: «Сложившийся в среде потомков русско-китайских браков тип религиозности, соответствующий в основном содержанию русскому народному православию, показывает, что религиозное воспитание православных матерей было определяющим. Но все же влияние отцов и китайской среды не могло не сказываться. Как уже отмечалось выше, межэтнические браки являются естественной средой для синкретизации религий. Китайские верования и обычаи включались в религиозную ментальность и практики русских Трёхречья» [Забияко 2017, 121].

Религиозные практики метисированных потомков русских Трёхречья во многом определены традицией народного православия [Там же]. Погребальная обрядность трёхреченцев как наиболее консервативная сторона обрядности в основном составе наследует общерусской традиции. Это подтверждают наши информанты: *«Здесь по-русски хоронят нас, полукровцев. Муж, если китаец, — по-китайски. Китайцы, когда умрут, одеют теплые лопать (одежды). Русских — в платье, чулки, хороший лопать одеют, туфли одеют, вот молодежь или как мы, стары, умрем, (одевают) в платье. Черную полоску одеют, дети, если отец умрет, то одеют обязательно черную косыночку. Это, как это называется, венчик одеют покойному — это из России достают, здесь потому что нету»* (Зап. от Тамары Ерохиной, 1939 г.р., с. Караванная (Эньхэ), КНР. Соб. Ван Цзяньлинь, А. А. Забияко, А. П. Забияко, Я. В. Зиненко, Чжан Жуян. 2015 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

Первое, что видят приезжающие в «самое русское» село Трёхречье — Караванную (кит. Эньхэ), — это кладбище, расположенное на сопке, и кладбищенскую часовенку: «Оградки, могильные холмики, православные кресты, иконки, фотографии, надписи на русском языке отмечают принадлежность усопших и их живых родственников к русской

народности. Шестиконечные кресты в подавляющем большинстве изготовлены из дерева и имеют форму креста-голубца. Голубец (голбец) имеет в верхней части двускатную крышу, эта конструкция в символической форме воспроизводит дом, в котором упокоился лежащий в могиле человек. Такая форма надмогильного креста существовала наряду с другими до XVII в., потом голубец был типичен для погребений старообрядцев. Очевидно, форма надгробия была усвоена современными русскими трёхреченцами от старообрядческих погребений Трёхречья» [Забияко 2017, 154–155]. При этом местные особенности организации кладбищенского интерьера свидетельствуют о том, что погребальная обрядность трёхреченцев является выражением двойной этничности данного анклава: «Над могилами некоторых, судя по фамилиям и фотографиям — русских, установлены не шестиконечные кресты, а каменные (бетонные) прямоугольные обелиски со скошенными или округлыми верхними краями; надписи на таких плитах и некоторых крестах иероглифические; кое-где на обелисках выбиты православные восьмиконечные кресты, рядом с иероглифами, которыми записаны русские имена, даты рождения и смерти. На кладбище похоронены русские и китайцы, часто в одной оgrade православный крест русской жены соседствует с обелиском мужа-китайца. Иногда они совмещены так, что сразу за деревянным крестом установлен каменный обелиск» [Там же, 156].

И поминальная традиция трёхреченцев (поминальный обед после похорон, соблюдение родительского дня) нередко синкретизируется с китайскими обычаями. Сами трёхреченцы могут объяснять это тем, что умерший был рожден в русско-китайском браке, в котором обычно мать была православной, а отец следовал китайским верованиям: *«Жена — Наталья Гладкова (умерла в мае 2015 г. — Ч. Ж.). Крест жене Паша (сын) делал в Лабдарине. Ходим на родительский день и китайский Новый год — отец-то китаец. Отцу по-китайски написали (табличку), маме по-русски»* (Зап. от Василия Зоркальцева, 1944 г.р., с. Караванная (Эньхэ), КНР. Соб. А. А. Забияко, А. П. Забияко, Чжан Жуян. 2015 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

Процесс синкретизации погребальной традиции у русской народности Трёхречья в течение 1980–1990-х гг. зафиксирован в визуальных образах, каковыми являются фотографии похорон и сопровождающие их комментарии. Такие фотоснимки до сих пор хранятся в фотоколлекциях русских трёхреченцев, в некоторых семьях они представлены в фотогалереях на стене рядом со свадебными снимками самих информантов.

Любая фотография похорон является документом, фиксирующим окончание жизненного пути отдельного человека и обряды, совершавшиеся именно с ним, но строгое следование единому фотографическому канону вписывает эти конкретные похороны в схему «правильных» похорон и придает индивидуальному характеру всеобщего [Бойцова 2010, 339]. При этом сохранение культурных различий именно в области посмертной фотографии объясняется ее ритуальным характером: фотографии похорон в наибольшей степени подчиняются традиции, отражая «правильный сценарий» переходного обряда. В традиционной культуре ритуал сам по себе является средством передачи информации и сохранения памяти об устройстве мира [Байбурин 1993, 11–16].

В бытовой культуре трёхреченцев сохранение и демонстрация похоронных фотографий вполне закономерное свидетельство следования традиционной культуре запечатлению обрядов перехода, документации обряда и сохранения памяти о нем.

Изучение погребальных традиций русских Трёхречья, запечатленных в похоронных фотографиях из семейной коллекции, стало составной частью исследования этнокультурной самобытности данного анклава. В результате проведения 4 экспедиций в район Трёхречья (г. Лабдарин (Эргуна), д. Караванная (Эньхэ), д. Олочи, д. Ершишная (Санян) нами было зафиксировано наличие похоронных

фотографий в семьях Ивана Васильева, Маруси Первоухиной, Маруси Дементьевой, Василия Зоркальцева, Шуры Чешнова, Варвары Ушаковой (экспедиции 2015–2018 гг.). В данной статье мы остановимся на материалах фотоколлекции Ивана Дементьева и Анны Первоухиной.

Анализ визуально-вербального дискурса, который представлен похоронными фотографиями и комментариями к ним, осуществлялся при помощи метода включенного наблюдения, беседы, текстологического анализа, биографического, культурно-исторического, сравнительно-исторического методов.

Похоронные фотографии в фотоколлекции Ивана Дементьева и Анны Первоухиной представлены цветными снимками, сделанными любительским фотоаппаратом и хранящимися в семейном альбоме. Очевидно, что профессионального фотографа в 1980–1990-е гг. уже не приглашали, но снимающий старался запечатлеть важные этапы похоронного ритуала, следовать канону. Откуда к трёхреченцам пришло знание канона посмертного фото? Очевидно, данный фотографический канон пришел из Советского Союза благодаря присланным снимкам уехавших «в Союз» родственников.

В отличие от уже отошедшей в прошлое русской традиции рассматривать и комментировать похоронные снимки [Бойцова 2010], в деревенской культуре русских трёхреченцев к этому процессу до сих пор относятся как к естественному процессу. Нарративы к похоронным фотографиям выражают удовлетворение наших респондентов от чувства выполненного долга перед умершими, исполнения ритуала «как должно». Рассматривая похоронные фотографии отца и матери, на которых запечатлены сидение у гроба покойника, погребение, установление могильных памятников, Иван Дементьев вспоминает:

我父亲去世的时候跟我们说了，要跟我母亲那个方向相等。中国人都是抬起头向前走，俄罗斯是腿在前头，苏联和中国的埋葬不一样啊。中国人出去的时候时候，他是大头朝前，好像倒着走吗，俄罗斯那是腿超前，往哪走就是脸朝哪一面儿。完了呢，埋葬的时候呢，这个墓地是不对。恩和这个墓地原来应该设在河那边，发大水过不去啊，死了人了，过不去，怎么埋啊？说这几个地方都没有山坡。只有东山上有山坡。因为俄罗斯人他那个脸必须朝太阳啊。意思是他坐起来就能看见太阳，那就是那样，必须那么埋。所以我父亲跟我母亲一样。

Wo fuqi qushi de shihou gen women shuole, yangen wo muqin nage fangxiang xiangdeng. Zhongguoren doushi taizhe touchaoqian zou, eluosi shi tui zai qiantou, sulian he zhongguo de maizang buyiyang a. zhongguoren chuqu de shihou, tamen shi datou chaoqian, haoxiang daoazhe zou ma, eluosi nashi tui chaoqian, wangnazou jiushi lian chao nayimianer. Wanlene, maizang de shihou ne, zhege mudi shi budui. Enhe zhege mudi yuanlai yinggai shezai nenabian, fa dahui guobuqu, zenme mai a? shuo zhejige difang dou meiyou shanpo. Yinwei eluosiren ta nage lian bixu chaozhe taiyang a. yishishi ta zuoqilai jiuneng kanjian taiyang, na jiushi nayang, bixu name mai. Suoyi wo fuqin gen muqin yiyang.

«(Когда) мой отец умирал, он нам сказал, что (его) надо, как мою маму похоронить. Китайцы все хоронят головой к переду. У китайцев так — выносят головой вперед, а русские — это ногами вперед¹. Похоронный обычай Советского Союза и китайского — разве это не так? (В Китае) поднимают их и выносят головой вперед, значение: он (покойник) движется в обратную сторону [Гуан Чжоу Сянь Ди 2011, 203]. А русские, они ногами вперед, как лицо вперед. Направление разное. При погребении эти могилы неправильные (крест или памятник ставится там, где ноги покойника). В Эньхэ могилы, раньше, старые могилы, в ту сторону реки, а река там разлилась, и туда не можем пойти, человек умер, ты не пойдешь, как его хоронить? И на нескольких горах нет косогор, только тут на восточной горе есть косогор. Русские умерли — обязательно к солнцу (хоронят), значение: когда они сядут, сразу увидят солнце². И обязательно так хоронить. Это то и значит, папа как мама — так» (Зап. от Ивана Дементьева, 1945 г.р., с. Караванная, КНР. Соб. Чжан Жуан. 2018 г.) [ЦИДВЭ АМГУ].

Портрет близких умершего вместе с ним, лежащим в гробу, — самый распространенный тип посмертной фотографии в русской культуре XX в. [Бойцова 2010, 335]. Вероятно, первоначально на традицию запечатления покойников трёхреченцами оказала сильное влияние русская традиция фотосъемки похорон, развившаяся в России конца XIX — начала XX в. под воздействием фотографического канона публичных похорон известных людей — это касается и «самой идеи запечатления смерти фотоаппаратом, и в иконографии этих снимков» [Там же, 329].

В русской традиции существуют разные поведенческие стереотипы исполнения самого обряда похорон. Этнографы

подчеркивают наличие разных локальных вариантов погребально-похоронной обрядности, а также социальные отличия в справлении данного ритуала (речь идет о традиции конца XIX — начала XX в.). Для крестьянской культуры наиболее характерной является традиция громкого выражения родственниками своего горя у гроба. Для этого испокон века нанимали специальных плакальщиц, «воплениц», что не поощрялось православием [Кремлева 2005, 517–519]. Иной видится похоронная традиция сибирского и забайкальского населения — возможно, под влиянием «городского» этоса более образованного ссыльного населения традиция громко «вопить» на похоронах уступила

¹ В соответствии с русской традицией, чтобы покойник никого не забрал из родственников, его надо выносить ногами вперед. Русские верили, что такая манипуляция заставит умершего забыть дорогу домой.

² По русской традиции в яме гроб располагают лицом к востоку. В ногах устанавливают крест, обращенный к западу. Согласно верованиям, «взор» умершего должен падать на христианский символ. Древние традиции требовали, чтобы на могиле был только деревянный памятник, изготовленный вручную родственниками.

место сдержанному скорбному молчанию близких.

Эта традиция совпала и со сложившимся позднее фотографическим каноном похорон, для которого характерно, что «близкие покойного обычно выказывают скорбь, но на похоронных фотографиях, где они запечатлены у гроба, они не закрывают лицо руками, не прижимают к лицу платок, не рыдают и не демонстрируют глубокое отчаяние. Обычно знаком скорби на похоронных фотографиях является серьезное и печальное выражение лица. <...> Фотографирование бурных проявлений скорби (рыданий, глубокого отчаяния) пришло бы в противоречие с ритуальной природой посмертной фотографии, которая, запечатлевая похороны, фиксирует правильность совершения обряда перехода и является символическим действием, направленным на “нормализацию” смерти» [Бойцова 2010, 338].

Именно такой тип следования русскому фотографическому канону, как «фотографии торжественной скорби...» [Подорога 2001, 202], мы наблюдаем на фотографии сидения родных (взрослых)

у гроба матери Ивана Дементьева. Мать Ивана лежит в гробу, накрытая белым покрывалом, в белом платочке, украшенная яркими искусственными цветами вокруг тела. Цветы на животе закрывают черные буквы, вышитые на покрывале. Лица родных у гроба торжественно-скорбные, позы неподвижные, все смотрят на покойницу либо «сквозь нее».

Похороны отца, который умер раньше матери, как указывает Иван, проходили по русскому обычаю. Действительно, вокруг его гроба родные предстают не в белых одеждах, как того требует китайская традиция [Янь Чанхун 1998; Гэ Юйхун 2004], а в обычных для русских похорон — темных монохромных. У женщин на головах черные и темные платки, завязанные по-русски. Отец Ивана лежит в гробу в белом покрывале, под головой буква Х (Христос) из черных лент, на покрывале в районе живота нашит черный православный крест из лент.

По поводу этой особой традиции украшения покойника Анна Первоухина поясняет:

都是这样事儿的，我妈妈她们，妈妈的妈妈。这是俄罗斯的传统。那个字母“X”是绣枕头上的。我以前也帮他们秀过“X”。在被罩上也得秀上跟中文大写数字“十”似的，秀十字架。

Doushi zheyang shier de, wo mama tamen, mamade mama. Zheshi eluosi de chuantong. Nage zimu “X” shi xiu zhentou shang de. Wo yiqian ye bang tamen xiu guo “X”, zai beizhaoshang yede xiushang gen daxie shuzi “十” shide, xiu shizhijia.

«Все так делали, мама и мама мамы. Это русская традиция. А букву “X” (Христос) надо вышить на подушке, я раньше другим помогала вышивать букву “X”, а на покрывале надо вышить крест как китайская прописная цифра “十» (Зап. от Анны Первоухиной, 1953 г.р., с. Караванная (Эньхэ), КНР. Соб. Чжан Жуян. 2018 г.) [ЦИДВЭ АМГУ].

Сидение у гроба матери Ивана близких родственников. Из личного архива И. Дементьева

Close relatives seated by the coffin of Ivan's mother. From I. Dementiev's personal archive

Ритуальный плач родственников у гроба отца Ивана Дементьева. Из личного архива И. Дементьева

Ritual lament of relatives at the coffin of Ivan Dementiev's father. From I. Dementiev's personal archive

Несмотря на следование православной традиции в убиении покойника, фотография похорон отца запечатлеывает несколько иные ритуальные жесты: все собравшиеся вокруг гроба не сидят, а стоят над покойником и демонстративно плачут, даже дети плачут, глядя в камеру. Мы наблюдаем, как в православный ритуал вмешиваются элементы китайского обычая.

Так как в китайской традиционной культуре к 1970-м гг. по известным социально-экономическим и политическим причинам не успел сложиться фотографический канон [Lozada 2006] похоронного обряда, в фотографии похорон отца запечатлена сама живая традиция ханьцев [Чжао Юаньфан 1994; Дэ Цзыци 1998; Янь Чанхун 1998; Гэ Юйхун 2004; Ли Хэйвэй 2009; Фан Инцзяо 2016]. Согласно ей, китаец должен на похоронах родственников громко плакать: «В период республики (период Китайской республики, 1912–1949), когда человек умирал, его родственникам следовало прискорбно плакать и кричать. Сыновья покойника горько плачут с растерзанными волосами, без обуви (чтобы людям показать, что они так любят умерших, по умершим так горюют, что потеряли обувь). Женщины тоже горько плачут с растерзанными волосами у покойника, выражая горе. Если у покойника дочка замужем и живет у мужа, ей надо идти плакать уже по дороге к покойнику. Если кто-то слышит звуки плача, плачет вместе с дочкой. Когда друзья или родственники приходят выразить соболезнования семье покойника, дети покойника у гроба

плачут обязательно громко» [Шаньдун Шэн 1994, 15].

Соответственно в самом фотографическом каноне, отраженном на снимках сидения родных у гроба русской матери и китайского отца Ивана, мы наблюдаем смешение русских и китайских этнокультурных традиций. Следование фотографическому канону в первом случае и его трансформация во втором свидетельствует об этнокультурной синкретизации в среде трёхреченцев ритуала похорон — самой устойчивой традиции для любой культуры.

Третья фотография запечатлеывает момент установки памятника (креста) матери Ивана на кладбище рядом с каменным памятником (по китайскому обычаю) отцу. На каменном памятнике отцу слева видна дата рождения (1906), справа — смерти (1989) и надписи — слева: «奠国平之墓», иероглиф 奠 «делать приношение (особенно в похоронном обряде)», имя: 果平 (Го Пин), справа указание места, где родился отец: 祖籍河北省, 芋县, 麻地沟乡 (провинция Хэбэй, уезд Юй, село Мадигуоуцзы); внизу: 之墓 «могила».

На кресте две фотографии — отца и матери Ивана, умершей позже отца. Однако надпись на кресте содержит только китайское имя матери 史国生 (Ши Гошэн) и поперек надпись «Тат<ь>яна <нрзб. отчество> Дементьева». В XIX — начале XX в. женщины провинций Шаньдун и Хэбэй, выходя замуж, брали фамилию мужа, но мать Ивана, которая вышла замуж за шаньдунца, сохранила фамилию своего отчима. Невестка Анна рассказывает:

我母亲有一个继父，是中国人，以前他妈妈从苏联到中国来找的一个丈夫。然后，她继父就给她起了个中国名字，她跟她继父的姓儿。

Wo muqin youyige jifu, shi zhongguoren, yiqian ta mama ye cong sullivan dao zhongguo lai zhao de yige zhangfu. Ránhòu, ta jifu jiu geita qila ge zhongguo mingzi, ta gen ta jifu de xinger.

«У мамы был отчим, он китаец, раньше его мама из Советского Союза приехала в Китай и нашла второго мужа. Поэтому ее отчим дал ей китайское имя, ее фамилия от отчима» (Зап. от Анны Первоухиной, 1953 г.р., с. Караванная (Эньхэ), КНР. Соб. Чжан Жуан. 2018 г.) [ЦИДВЭ АМГУ].

Очевидно, что в сознании трёхреченцев второго поколения русская и китайская традиции похорон не дифференцированы. Собиратель, комментируя снимки похорон матери, уточняет:

<p><Соб.: 他们是合葬吗?> <Соб.: Tamen shi hezang ma?></p>	<p><Соб.: Их вместе похоронили?></p>
<p>是, 合葬的。按照苏联的习惯埋。我母亲按照苏联习惯头是朝着一个方向进的。</p> <p>Shi, hezangde. Anzhao suliande xiguan mai. Wo muqin anzhao sulian tou shi chaozhe yige fangxiang jinde.</p>	<p>И Иван резюмирует: Да, похоронили вместе, по обычаю Советского Союза (имеется в виду России). По похоронному обычаю мамы. У них головы в одном направлении, по порядку России.</p>
<p><Соб.: 您妈妈信奉东正教吗?> <Соб.: Nin mama xinfeng dongzhengjiao ma?></p>	<p><Соб.: Мама была православная?></p>
<p>是。</p> <p>Shi.</p>	<p>Да.</p>
<p><Соб.: 您爸爸呢?> <Соб.: Nin baba ne?></p>	<p><Соб.: А папа?></p>
<p>他信啥啊? 什么都不信</p> <p>Ta xin sha a! Shenme dou buxin.</p>	<p>У него какая вера!.. У него нет ничего... (Зап. от Ивана Дементьева, 1945 г.р., с. Караванная (Эньхэ), КНР. Соб. Чжан Жуян. 2018 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].</p>

Вопреки суждению Ивана о том, что мать и отца похоронили «по обычаю Советского Союза», т.е. в соответствии с русским обрядом, мужа и жену часто «прихоранивают» друг к другу согласно китайской традиции — об этом говорят и простые представители ханьского населения, и китайские ученые [Го Можо 1976].

Таким образом, похоронные снимки семьи трёхреченцев Ивана Дементьева и Анны Первоухиной и комментарии к ним позволяют сделать следующие выводы.

Погребальная обрядность не только важная часть народного православия, но также русского образа жизни и самосознания русских Трёхречья. При этом в культуре представителей русской народности, рожденных в русско-китайском браке, в погребальную обрядность активно проникают элементы китайской традиции. Несмотря на индивидуализацию современного образа жизни трёхреченцев, события жизни частной семьи воспринимаются ими сквозь призму истории большого рода. Именно поэтому индивидуальная биография членов рода, важные вехи их жизненного пути становятся предметом мемориализации и рассказывания, а в фотографических коллекциях трёхреченцев похоронные снимки хранятся, демонстрируются и сопровождаются комментариями.

«Прихоранивание» матери Ивана Дементьева в могилу к отцу. Из личного архива И. Дементьева
Placing the corpse of Ivan Dementiev's mother into his father's grave. From I. Dementiev's personal archive

Так рассказ о жизни членов семьи Дементьевых — Первоухиных выходит за пределы личной истории, смерть русской матери и отца-китайца и рассказ о «правильном уходе» отражает самобытность этнокультурного сценария жизни трёхреченской семьи. При этом и в похоронных фотографиях, и в комментариях к ним наших респондентов русский и китайский сценарий погребального обряда и фотографического канона похоронных снимков синкретизированы.

Источники и материалы

Го Можо 1976 — 郭沫. 中国史稿. *Го Можо*. Китайские исторические наброски. Пекин, 1976. Т. 1. Отд. 2. Сегм. 1.

Гуан Чжоу Сянь Ди 2011 — 广饶县地方志办公室. 续修广饶县志. Гуан Чжоу Сянь Ди Фан Ши Чжи Бань Гун ши. Сюй Сю Гуан Чжоу Сань Чжи [Гуйчжоуский краеведческий и исторический отдел. Описание уезда Гуанчжоу]. Т. 14: 政教志礼俗丧礼. 山东省地图出版社. Чжэн Цзяо Чжи Ли Су Цзан Ли. Шань Дун Шэн Ди Ту Чу Бань Шэ. Шаньдун, 2011.

Гэ Юйхун 2004 — 葛玉红. 清末民初丧葬习俗的演变论述. *Гэ Юйхун*. Цин Мо Мин Чу Сан Цзан Си Су Дэ Янь Бянь Лунь Шу [Эволюция и развитие похоронной традиции и обычая в конце династии Цин и начале Китайской республики] // 学术交流. Сюе Шу Цзяо Лю [Научный обмен]. 2004. С. 144–147.

Дэ Цзыци 1998 — 邓子琴. 中国风俗史. *Дэ Цзыци*. Чжун Го Фэн Су Ши [История китайского обычая]. Сычуань, 1998.

Ли Хэйвэй 2009 — 李慧伟. 中国传统礼俗文化及其在近代的变. *Ли Хэйвэй*. Чжун Го Чуань Тун Вэнь Хуа Цзи Ци Цзай Цзинь Дай Дэ Бянь Цянь [Китайская традиционная культура и современные перемены] // 贵州文史丛刊. Гуй Чжоу Вэнь Ши Цун Кань [Гуйчжоуская история и культура]. 2009. № 2. С. 67–70.

Лян Чжэ 2016 — 梁 晨. Православие в контексте современного российско-китайского взаимодействия (1949–2015 гг.). М., 2016.

Тан Гэ 2010 — 唐戈. 俄罗斯文化在中国: 人类学与历史研究. *Тан Гэ*. Э Ло Сы Вэнь Хуа Цзай Чжун Го: Жэнь Лэй Сюе Юй Ли Ши Янь Цзю [Русская культура в Китае: исследование по антропологии и истории]. Харбин, 2010.

Фан Инцзяо 2016 — 方迎姣. 农村丧葬礼仪中的低俗化现象研究 — 基于河北省L村调查. *Фан Инцзяо*. Нун Цунь Сан Цзан Ли И Чжун Дэ Ди Су Хуа Сянь Сян Янь Цзю [Исследование безвкусного явления похоронной традиции в деревне — основа изучения в провинции Хэйбэй]. Хэйбэй, 2016.

ЦИДВЭ АмГУ — Архивный фонд Центра изучения дальневосточной эмиграции Амурского государственного университета.

Чжао Юаньфан 1994 — 赵远帆. 死亡的艺术表现. *Чжао Юаньфан*. Сы Ван Дэ И Шу Бяо Сянь [Художественное изображение смерти]. Пекин, 1994.

Шань Дун Шэн 1994 — 山东省无棣县史志编纂委员会. Шань Дун Шэн У Ди Сянь Ши Чжи Бянь Цзюань Вэй Юань Хуэй [Краеведческая и историческая редакционная комиссия провинции Шаньдун]. Т. 17: 风土志礼俗丧礼. 无棣县志. Фэн Ту Чжи Ли Су Цзан Ли. У Ди Сянь Чжи [XXXXXX. Описание уезда У Ди]. Шаньдун, 1994.

Янь Чанхун 1998 — 严昌洪. 民国时期丧葬礼俗的变革与演变. *Янь Чанхун*. Ми Го Ши Ци Сан Цзан Ли Су Дэ Бянь Гэ Юй Янь Бянь [Переворот и эволюция похоронной традиции и обычая в Китайской республике (1912–1949 гг.)] // 近代史研究. Цзинь Дай Ши Янь Цзю [Исследование современной истории]. 1998. № 5.

Lozada 2006 — *Lozada E. P., Framing Jr.* Globalization: Wedding pictures, funeral photography, and family snapshots in rural China // *Visual Anthropology*. 2006. №. 19. P. 87–103.

Исследования

Арвес 1992 — *Арвес Ф.* Человек перед лицом смерти. М., 1992.

Байбурин 1993 — *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993.

Бойцова 2010 — *Бойцова О. Ю.* «Не смотри на них, они плохие»: фотографии похорон в русской культуре // *Антропологический форум*. 2010. № 12. С. 327–352.

Забияко 2017 — *Забияко А. П., Забияко А. А.* Русские Трёхречья: основы этнической самобытности. Новосибирск, 2017.

Кремлева 2005 — *Кремлева И. А.* Похоронно-поминальные обычаи и обряды // *Русские*. М., 2005. С. 517–532.

Подорога 2001 — *Подорога В. А.* Непредъявленная фотография. Заметки по поводу «Светлой комнаты» Р. Барта // *Автобиография: К вопросу о методе: Тетради по аналитической антропологии*. № 1 / Под ред. В. А. Подороги. М., 2001. С. 195–245.

© Чжан Жуань, 2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Чжан Жуань <https://orcid.org/0000-0002-1523-7321>

Аспирант кафедры литературы и мировой художественной культуры Амурского государственного университета: Российская Федерация, 6750027, г. Благовещенск, Игнатъевское ш., д. 21; тел.: +7 (4162) 23-47-09; e-mail: 358860148@qq.com

“YES, THEY WERE BURIED TOGETHER, ACCORDING TO THE CUSTOM OF THE SOVIET UNION”: FUNERAL TRADITIONS OF RUSSIANS OF TREKHRECHYE AS REFLECTED IN FAMILY PHOTOS

ZHAN RUYANG

(Amur State University: 21, Ignatievskoe Highway, Blagoveshchensk, 675027, Russian Federation)

Summary. *Funeral rites are one of the most conservative ritual complexes, an ethnically differentiating cultural attribute. In the culture of the Russian population of Trekhrechye (Sanhe District), these rites naturally combine Russian and Chinese components of the “motherly” and “fatherly” traditions of children born and raised in interethnic marriages. This article presents a reconstruction of the funerary rites of the Russians of the Trekhrechye based on funeral photographs of the family of Ivan Dementiev and Anna Pervoukhina and accompanying verbal discourse. These funeral photographs are examined in the context of the canon of Russian photographs of the first half of the twentieth century. They reflect the main stages of the funeral rite: farewell to the deceased, burial, and installation of a monument. Examining photographs of the funeral of Ivan Dementiev’s father and mother and the narratives accompanying their examination testify to the syncretic nature of the Russian and Chinese religious traditions. The materials presented are analyzed using the method of involved observation, textological reconstruction, and interpretation.*

Key words: Trekhrechye (Sanhe District), Russian people, burial rites, photographic canon, syncretization of religious traditions.

Received: May 6, 2019.

Date of publication: December 25, 2019.

For citation: Zhan Ruyang. “Yes, they were buried together, according to the custom of the Soviet Union”: Funeral traditions of Russians of Trekhrechye as reflected in family photos. *Traditional culture*. 2019. Vol. 20. No. 4. Pp. 88–96. In Russian.

DOI: 10.26158/TK.2019.20.4.007

References

Aries Ph. (1992) *Chelovek pered litsom smerti* [Man in the face of death]. Moscow. In Russian.

Bayburin A. K. (1993) *Ritual v traditsionnoy kul'ture. Strukturno-semanticheskiy analiz vostochnoslavjanskikh obryadov* [Ritual in traditional culture: Structural and semantic analysis of East Slavic rites]. St. Petersburg. In Russian.

Boytsova O. Yu. (2010) “Ne smotri na nikh, oni plokhiye”: fotografii pokhoron v russkoy kul'ture [“Do not look at them, they are bad”: Photos of funerals in Russian culture]. *Antropologicheskij forum* [Anthropological forum]. 2010. No. 12. Pp. 327–352. In Russian.

Kremleva I. A. (2005) *Pokhoronno-pominal'nyye obychai i obryady* [Funeral commemo-

rations and rites]. In: *Russkiye* [Russians]. Moscow. Pp. 517–532. In Russian.

Podoroga V. A. (2001) *Nepred'yavennaya fotografiya. Zаметki po povodu “Svetloy komnaty” R. Barta* [Undeclared photo. Notes on the “Bright Room” by R. Bart]. In: *Avtobiografiya: K voprosu o metode: Tetradi po analiticheskoy antropologii* [Autobiography: On the issue of method: Notebooks on analytical anthropology]. No. 1. Ed. by V. A. Podoroga. Moscow. Pp. 195–245. In Russian.

Zabiyako A. P., Zabiyako A. A. (2017) *Russkiye Trekhrech'ya: osnovy etnicheskoy samobytnosti* [The Russians of Trekhrechye: The bases for ethnic identity]. Novosibirsk. In Russian.

© Zhan Ruyang, 2019

ABOUT THE AUTHOR

Zhan Ruyang <https://orcid.org/0000-0002-1523-7321>

E-mail: 358860148@qq.com

Tel.: +7 (4162) 23-47-09

21, Ignatievskoe Highway, Blagoveshchensk, 675027, Russian Federation

PhD Candidate, Department of Literature and World Culture, Amur State University

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)